

Алиса Альта

رمضان كريم

или приключения начинаются

Алиса Альта

**A.S.U.L.Y.M., или
Приключения начинаются**

«Издательские решения»

Альта А.

А.S.U.L.Y.M., или Приключения начинаются / А. Альта —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853393-8

Можно ли разложить на составляющие душу человека — и собрать воедино в совершенно новом качестве? Разумеется, но нужно быть готовым к внезапной смене мест и эпох, а также к внутренним трансформациям. С помощью таинственного прибора герои книги получают возможность попасть в любую точку времени и пространства, попробовать на вкус карикатурную версию реальности, перенестись в художественное произведение и даже превратиться в его протагониста. И это только начало большого путешествия...

ISBN 978-5-44-853393-8

© Альта А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Начало	6
Глава 1, глупо-идеалистическая, но вводная, поэтому важная	6
Глава 2, в которой разъясняются некоторые условия жизнедеятельности наших главных героев	7
Глава 3, в которой заваривается странная каша	9
Глава 4, в которой белые медведи застревают на Курском вокзале, однако их дальнейшая участь неизвестна	12
Глава 5, в которой в действие вступают китайцы и инопланетные технологии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

A.S.U.L.Y.M., или Приключения начинаются

Алиса Альта

Иллюстратор Алёна Лісс

© Алиса Альта, 2019

© Алёна Лісс, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-3393-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение! События данной книги ни в коем случае не являются вымышленными и основываются на самой что ни на есть нереальной реальности. Любые совпадения с существующими людьми – оправданы, явки и пароли прилагаются в конце истории.

Часть 1. Начало

Глава 1, глупо-идеалистическая, но вводная, поэтому важная

Есть на Земле такие места – места силы. Каждый камешек, терпеливо лежащий на дне ущелья, каждая травинка, тянущаяся с утра к солнцу, каждая капелька росы, бриллиантом сверкающая под первым весенним лучом, – всё здесь пропитано особой, волшебной энергией. Вдохнув аромат такой земли хоть раз, не сможешь заменить его ничем другим, как никогда не спутаешь пение соловья с криком настенной кукушки.

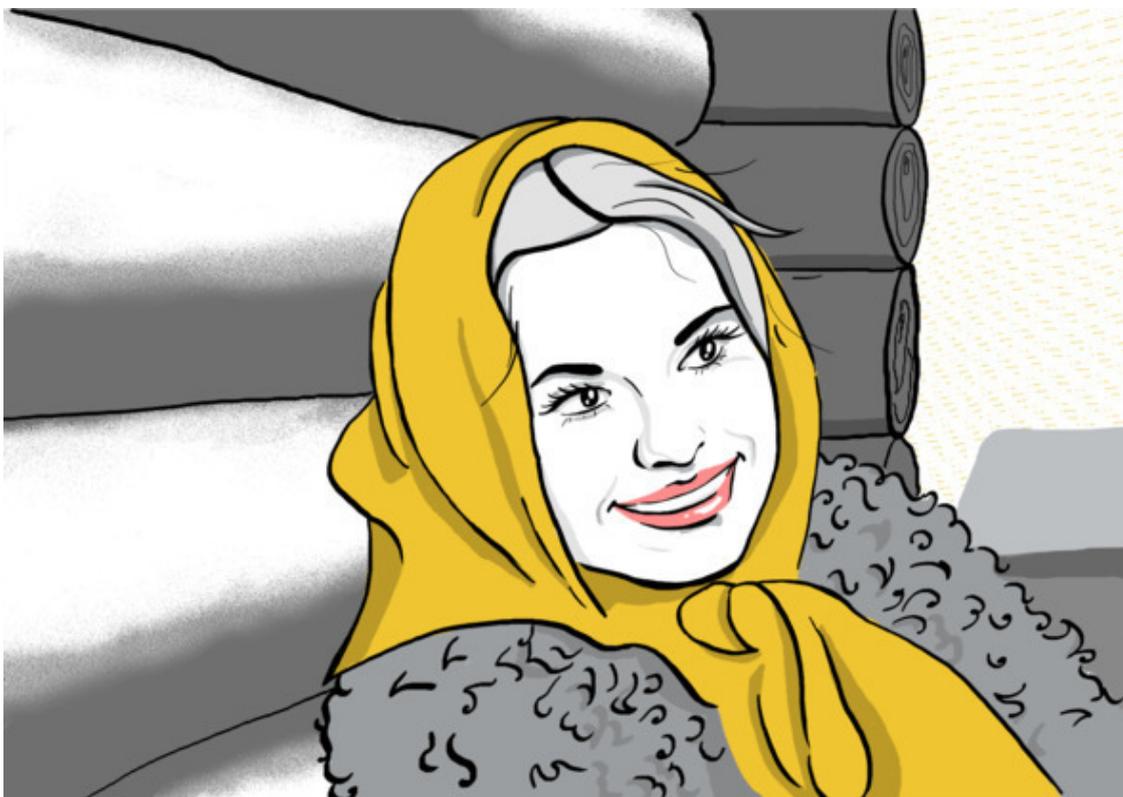
Так никогда и не променяла бы Серафима Дублянская свою уютную глушь на Москву, Нью-Йорк или любую другую мечту шестнадцатилетних мотыльков. Даром что Витёк, старший брат, сколько раз ей говаривал: «Кончай копаться в коровьем навозе, переезжай ко мне. И на работу пристрою, и жильё на первое время подгоню, нечего стариковские кости считать», – ан нет, от одной только мысли о жизни в Нерезиновой на лице Серафимы появлялась гримаса, словно от предстоящего похода к стоматологу.

Москва – город большой, народу – тьма-тьмущая, точно в муравейнике гигантском. Толпы обезличенных людей со стеклянными глазами всё несутся куда-то, ни улыбки тебе ответной, ни «доброго здравица». Поначалу Серафима пробовала останавливаться, чтобы подетальнее разглядеть забавную уличную сценку, или подолгу замирала возле заинтересовавшего её здания, да только сумасшедший людской поток, не церемонясь, подхватывал её да уносил, как соломинку, плыть по своему течению. А то и вовсе осуждающе смотрели на неё, как на чудной тульский самовар.

– Как в морге себя *чувствую*... Вот ты представь, Вить, как тебя раздели и положили голеньким на стол, лампы белые везде зажгли, да *стояць, жуюць*, тебя обсуждаючи, да бутерброды при этом лопаючи, и некуда от этих иродов научных-то скрыться.

Брат только пожал плечами, пожурил, как ребёнка, да и восвосяи отправил. Вот было бы у них MTV в посёлке – глядишь, и сделали бы человека из сестрёнки, а так только тыкается везде мордой, как слепой котёнок, его своим «оканьем» да старыми («добротные же, ещё с мамкой делали!») валенками позорит.

Глава 2, в которой разъясняются некоторые условия жизнедеятельности наших главных героев

Автор льстит себя надеждой, что читателю стало интересно, кто же такая эта Серафима и почему таких вообще в Москву пускают. Если не стало – что же, мы вас не виним, отпускаем на волю и впадаем в глубокую депрессию.

Серафима Дублянская была самой заурядной девушкой, коих в деревнях и сёлах нашей необъятной Родины – не счесть и не перечесть, а в Москве такие девушки являются чем-то вроде большой берцовой кости тиранозавра, поэтому тотчас же должны быть помещены в археологический музей. Росла она в деревне Лупенцы, что в семи километрах от доброго города Залесска, что в тридцати пяти километрах от славного города Елисейска, что на юге благословенного Краснодарского края.

Надо сказать, что читатель ошибается, если составил мнение о Серафиме как о наивной деревенской дурочке. Отец её, Василий Дублянский, был довольно способным инженером, однако не очень расторопным, в результате чего по распределению попал аж на Залесский ферросплавный завод. Там ему быстро вскружила голову местная учительница русского языка и литературы Алёна Липова – девушка, между прочим, не без амбиций, три раза поступавшая во ВГИК и три раза вызывавшая приступы дикого хохота у комиссии. Да и как с такой экстрессивной Настасьи Филипповны, с балалайкой и в кислотных лосинах, не посмеяться-то?

В общежитии Алёна Ивановна не прижилась из-за эксцентричного и взбалмошного характера, поэтому молодая семья переехала в доставшийся по наследству, полуразвалившийся домик в Лупенцах. Стараниями Василия Андреевича хибара превратилась в пригодный для жизни голубой домик с резными ставнями, где и родилась Фима. Семью ждало и другое пополнение в виде коровы Машки, трёх свиней и целого выводка кур.

Серафима вполне ответственно подходила к ведению хозяйства, посвящая ему большую часть свободного времени. Настоящей любовью девушки был дворовый пёс Полкан, которого та лично подобрала маленьким щенком, медленно подышающим недалеко от школьной помойки. А также Паша Кравчук, верный друг детства Фимы. С ним они осуществляли все ребяческие шалости, подкалывали друг дружку и попадали в передраги, вызванные собственной любовью к приключениям.

Паша был личностью не только каштаново-куречаявой да черноглазой, но и весьма интересующейся, в чём и состояла главная беда его жизни. Фима даже удивлялась, как он дожил до своих шестнадцати лет. Буйная его натура требовала активных действий, и он медленно прозябал в соседней деревеньке Береснёво, используя любую возможность разукрасить блекло-белёное существование. То в канализацию проникнет – сокровища искать, то на дерево залезет – звёзды понаблюдать, да так, что все руки-ноги переломает. Имел он роковую тягу ко всему неизвестному, необычному, к событиям неожиданным да явлениям сверхнормальным. Состоял даже Пашка в местном клубе уфологов, имеющем штаб-квартиру на окраине Залеска и занимающимся поиском корабля пришельцев, падение которого Артём Лапочкин лицезрел наутро после 23 февраля в 2010 году.

Глава 3, в которой заваривается странная каша

Одним ясным предрождественским утром¹ Серафима встала пораньше, чтобы к Пашке в Береснёвку прогуляться. Думала нарвать ярко-алых гроздьев рябины, спрятаться в его комнате да по стене размазать, чтобы тот за кровь принял. Обрадовался бы, поди, что к нему маньяк заглянул, хоть какое приключение. А потом испугался бы за Кастиэля, хомячка своего сирийского, что для опытов по выращиванию зомби держит. Авось бы и верещать жалобно начал – то-то была бы потеха! Такой парень весь из себя ладный, а пищит как девка неразумная! И поделом ему, нечего Серафимке мышей за ворот подкидывать, вон баба Ньюра чуть было в прошлый раз не оглохла.

Дорогу сильно снегом припорошило, однако невесть откуда взявшийся джип оставил такую глубокую и ладную колею, что идти было любо-дорого. Наша героиня прошла около двух третей пути и уже представляла, как запустит снежком в удивлённую рожу Кравчука, как тут дорогу ей перегородило нечто – по-другому эту заморскую птицу и не назовёшь.

Перед ней стоял человек, которого можно было принять за сумасшедшего литератора, или за фанатика-искусствоведа, или за учёного, одержимого одной-единственной теорией. В сознании Серафимы агнцы, кладущие себя на алтарь абстрактных идей (то есть занимавшиеся бесполезной деятельностью), всегда представлялись одинаково: неряшливый, несколько потрёпанный вид, рассеянный взгляд, странные привычки... Этот Профессор (как прозвала его про себя Фима) полностью оправдал ожидания: пёстрый пиджак и куртка с невпопад разбросанными карманами явно не выдерживали здешние морозы, а на ногах у странного человека коротали последние деньки кроссовки годов семидесятых. Центром композиции служили круглые очки со сломанной дужкой. На вид заморышу было лет 65, и его седые волосы так смешно торчали в разные стороны, словно его ударило током.

Решила про себя Фимка, что стоит чудака тихонько обойти, не привлекая к себе внимания, абы не вышло чего.

Взгляд незнакомца странно блуждал, перескакивая с ветки на ветку. Казалось, появление девушки никак не отобразилось в его сознании, чему та несказанно обрадовалась. Уже почти обойдя его, Фима нечаянно поскользнулась на ледяной дорожке. Профессор перестал разглядывать окружающую флору и фауну и вперил свой взор в нашу героиню.

– Это Вы? В-вы??? Нет, позвольте...

Он обошёл её вокруг, внимательно разглядывая с головы до ног, так что ни один сантиметр Серафиминой наружности не ускользнул от его взгляда. Затем он остановился напротив неё, снял очки, протёр глаза и приблизился почти вплотную к её носу, чем ещё больше смутил неудачливую беглянку.

– Да, всё-таки Вы. Вероятность стремится к единице. Однако, однако... Какой типаж! Настоящая русская краса! То, что доктор прописал! Да старина Уилмут покажется неразумным бездарем по сравнению со мной! – тут он сделал поклон воображаемой публике.

Во время этого профилактического осмотра Серафима стояла ни жива ни мертва, прижимая корзинку с рябиной к груди. Обойти странное существо не было никакой возможности: тропинка в этом месте сильно сужалась, кругом всё завалено снегом, да и бегала Фимка ужасно плохо.

– Дядюшка псих, если вы не буйнопомешанный, так того, отпустите меня, я вам Ленку приведу, она знаете какая?

«А коли буйный?» – пронеслось у неё в голове, – «как быть-то? Гляди, слово не так скажу, а он палку с земли *подымить* – бам! – и нету Серафимы». Ей вдруг стало очень себя

¹ если читателя интересует конкретная дата – 6 января 2012 года.

жалко. Жалко родителей, жалко неосуществлённых планов на лето – скрестить своего Полкашку и Лею: обе дворняжки безродные, да абсолютно разные. Полканчик высоченный, с чёрными пятнами на буром теле, а ушами обвислыми. Непонятно, в кого такой уродился? А Пашкина Лея – смешной такой заморыш, смесь бульдога с пегой дворняжкой. Они уже и имена щенкам придумали, и шуточную родословную написали, да маленькие домики деревянные почти смастерили, эго обидно будет помирать!

Непонятный человек ничего не ответил, а только неприлично вцепился глазами в Фимины уши.

– А ежели вам отдохнуть и чаёчку попить, то вы пожалуйста к председателю колхоза, Анатолию Сергеичу, вам по дороге прямо, потом через шесть километров направо свернуть, авось кто и подбросит, – решила выкрутиться девушка, сильно пугаясь. Говоря всё это, она начала осторожно обходить Профессора, оставаясь к нему лицом.

– Э-нет, душенька моя! – радостно схватил тот Фиму за плечи. – Вы от меня никуда не уйдёте! Я по Вашему следу с самой Москвы иду! Какой экземпляр! Волосы, глаза – настоящая сибирячка! Чудо!

– С Москвы? – настороженно спросила она.

– Ах, я совсем забыл представиться и посему медленно превращаю Вас в параноика, дитя моё. Валентин Георгиевич, – галантно заявил он, поцеловав Прекрасной Даме руку. – Вижу, что Ваши сомнения ничуть не рассеялись, однако важно не то, как меня зовут, а то, кем я являюсь на самом деле. Вы не находите?

Серафима нахмурила лоб.

– Ежели вы к Иван Петровичу, что за речкой живёт, то он на охоту выбрался, будет денька через 3. Хотя... – тут она немного покраснела, – вы к нему всё равно постучитесь, авось жена с города вернулась.

Существование жены повергло бы самого почтенного Ивана Петровича в лёгкий шок.

– Вижу, дитя моё, что Вы являетесь последовательницей философии Пиррона, скептически-невозмутимая моя. Видите ли, чуть более месяца назад я имел честь ступить на эскалатор позади Вас на станции метро «Белорусская», если помните...

Серафима вспомнила этот случай, произошедший в её первую и последнюю поездку в Москву. Она неспешно направлялась к эскалатору, когда буквально перед её носом протиснулась бабулька лет семидесяти с огромным баулом, так что Фима чуть не потеряла равновесие. Вероятно, из чувства вины старая женщина проехала полдороги, громко возмущаясь нравами нынешней молодёжи. «Расплодились тут... Всё прут и прут... А мне, женщине старой, даже присесть некогда, весь день с этой торбой таскаюсь... Скоро нечего кушать будет... Пенсии-то у нас маленькие, даже повышать не думают, сволочи окаянные... Чего уставился, а?». Поняв на середине этой эмоциональной речи, в чём же заключается горе пенсионерки, Серафима улыбнулась и сказала, ласково глядя старушке в глаза: «Так если вам денег не хватает, бабушка, я вам тысячу рублей дам, если хотите, мне братик на первые дни аж две с половиной выделил, да я обойдусь как-нибудь, чай, не боярыня Морозова».

Вместо ожидаемой радости Серафима увидела, что бабуля как-то сразу осеклась, будто у неё разом кончился весь словарный запас, пристально посмотрела на Фиму, отвернулась и дальше ехала молча. Окружающие смотрели на нашу героиню не спуская глаз, кто с любопытством, кто с недоумением, как на сбежавшую из дурдома полоумную, а кто и с нескрываемым восхищением. В ряды этих последних и затесался Профессор.

– Тогда я понял, что это Вы, понимаете, Вы?

– Понимаю, – осторожно ответила Фима, прикидывая, успеет ли она дотянуться до лежащей недалеко палки.

– Сомнений быть не может! – экзальтированно воскликнул чудак. – Дорогая моя... эээ...

– Серафима, – буркнула девушка.

– Чудное имя! Шестикрылая моя, у меня для Вас есть предложение, от которого Вы не в силах будете отказаться. Я осуществлю все Ваши мечты гораздо раньше, чем этот проклятый «Газпром». Где бы мы могли всё обсудить?

Профессор так крепко впился в рукав Серафиминой шубки, что, сколько бы та ни пыталась деликатно высвободиться, у неё решительно ничего не получалось. План созрел сам собой. Недалеко располагалась сторожка Михаила Ивановича, довольно обжитый и уютный домик, от которого у Фимы был ключ, добытый по старой дружбе. Сторож не показывался дома третий день, но теоретически мог нагрянуть туда в любую минуту. Если бы девушка смогла ненароком запереть этого психа и оградить его от окружающих, было бы и вовсе замечательно.

– Тут недалече, подёмте, покажу, – смело ответила она и, затаив дыхание, медленно потопала к обители почтенного Михаила Ивановича.

Глава 4, в которой белые медведи застревают на Курском вокзале, однако их дальнейшая участь неизвестна

Вышеупомянутая обитель представляла собой небольшой деревянный домик, состоявший всего из одной жилой комнаты. Всё необходимое хозяин странным образом умудрился распахать по углам. Когда скрипучая дверь сыграла страшный концерт на ржавых петлях, Серафима застыла на пороге, впав в лёгкий ступор, а Валентин Георгиевич быстро втащил её внутрь, так что комнатёнку чуть не затопило от мохнатого снега, прилипшего к валенкам. Странник осмотрел обстановку, приволок кресло из кухни и насильно запихнул в него девушку. Быстро позвонив куда-то и сказав пару фраз на непонятном языке, чудо-человек навис над Фимкой, готовя связки к длительной лекции.

Бедняжка уже пожалела о своём благородном намерении – оградить ненормального от окружающих – и с тоской подумала о своём стареньком алкаательчике, который нагло отказывался работать на таком морозе. На подмогу-то не позовёшь! А сбежать боязно: вдруг разозлится, запрет её и какие эксперименты начнёт производить? Учёные – они такие, всего можно от них ожидать. Вон, в новостях показывали, как один думал людям кроличьи уши пришить. Восемь человек опытами сгубил! А кроликов – вообще не счесть, да их ещё больше жалко, они-то в чём виноваты? И зря папа орал, чтобы выключила «это проклятое НТВ», телевизор – он хороший, он врать не будет.

– А теперь, моя дорогая Фимочка, приступим к цели моего визита. Как бы Вам так сказать... Вы, возможно, не поверите, но я недавно побывал в плену у инопланетян.

«Ну точно кукареку. Причём давно. Коли уж так, подыграю ему, во всём соглашаться буду. Главное, чтобы не занервничал и приступ у него какой не начался. А там, гляди, мой Пашка спохватится и пойдёт меня искать», – подумала Серафима.

– У инопланетяян? – попыталась изобразить искреннее изумление Фима. Врать девушка не умела совершенно, поэтому голос её издевательски задрожал. Впрочем, её собеседник мало общался с женщинами на своём веку, так что фальши не заметил.

– Да, сокровище моё. Вижу, Вы мне сразу поверили. Это значит, что я в Вас не ошибся! Даже не думал, что Вы так замечательно умны! Приятно, когда тебя не считают чудаком или сумасшедшим.

– И то правда, – неуверенно подыскивала слова Серафима. – У нас Лука Фомич после Нового года тоже видел инопланетян. И он совсем не пьёт, вот ничутью! Ни капли, даже по праздникам, представляете? Может, вам его привести, чтобы вы на общие темы погутарили?

– Какие у Вас щёки пунцовые, радость моя! Нет, боюсь наша *causerie*² с месье Фомичом подождёт до лучших времён. У меня есть, что Вам сообщить. Ценнейшая и полезная информация! Даже месье Леблан, а он, между прочим, заведует кафедрой в Сорбонне, не удостоился этой чести, а это один из виднейших умов Европы!

«Так, сейчас 12. Пашка зайдёт за мной в час, как и обещал, поймёт, что нет меня. Если бы он догадался Полканчика по следу пустить!.. Часа три ещё перетерпеть, дай боженька».

– Да вы рассказывайте, дяденька учёный. Я девушка хотя и простая, а очень уж интересующаяся. Только вы не торопитесь. Я с детальками люблю.

– О, вижу, моя протезе имеет слабость к точным и научным знаниям, – растаял чудак, посмотрев на Серафиму с некоторой нежностью. – Похвально. Это делает мне честь.

² Беседа (фр.)

От ровной монотонной речи Профессора, в которую периодически вклинивались слова, смысл которых она не понимала, развалившаяся в кресле Серафима начинала медленно впадать в беспокойный сон.

– Видите ли, я простой уроженец славного города Санкт-Петербурга, звать меня Валентин Георгиевич Серов. Как и Вы, я питаю известную слабость к точным и научным знаниям. С детства меня манили загадки, коими природа щедро одаривает каждого, кто хочет прикоснуться к её тайнам. Однако со временем я стал замечать, что никакая астрометрия, петрография, цитология или гляциология не в силах предоставить уму человеческому такое широкое поле для исследований, какое даёт изучение простой человеческой природы. Ибо если физические явления мы понимаем благодаря наблюдениям и логическим умозаключениям, то как можем мы постичь бессмертную душу человека? Каким законам она подчиняется? Только гуманитарные науки, столь презираемые в той естественнонаучной среде, в которой я раньше вращался, пытаются дать ответ. Религия подошла ближе всего к пониманию скрытых механизмов, формирующих наше существо, а вследствие этого и само мироздание; однако с институализацией любое учение теряет истинную суть, и до нас долетают лишь слабые отблески её изначально грандиозного сияния. Психология даёт понимание человеческой природы, основанное на наблюдении и эксперименте, и в этом её минус. Следуя только научным методам познания, невозможно слишком глубоко заглянуть в человеческую душу. Наиболее ценные сведения приходят нам интуитивно: мы чувствуем, что это правильно, однако как убедить в этом окружающих? Быть может, твоя мысль опережает время, однако кому охота ждать 100 лет, пока она получит научное подтверждение? Коллеги поднимут тебя на смех, сочтут глупцом или безумцем, ведь научный мир не принимает во внимание то, что нельзя выразить в фактах и цифрах. И здесь человеческому роду приходит на помощь искусство. О да! – тут его взгляд несколько затуманился. – В искусстве душа приобретает полную свободу; человек становится Демиургом. Ах, если бы я мог творить!.. Разве в поэме, картине или сонате не спрессованы глубинные эмоции автора? Не значит ли это, что в одной «Одиссее» или «Евгении Онегине» скрыто столько энергии и информации, что с лихвой хватило бы на маленькую бомбу? Осталось только понять код самого автора, проникнуть в его душу, и мы поймём тайну мироздания!

Тут он подскочил и начал возбуждённо ходить взад-вперёд по комнате, смешно размахивая руками. Серафима очнулась и очень разозлилась на Валентина Георгиевича: она так и не узнала, чем закончится сон о белых медведях, застрявших на Курском вокзале. Профессор с каждой минутой приходил во всё более возбуждённое состояние. Казалось, ему было безразлично, слушают его или нет, и беседовал он по большей части сам с собою.

– О, я благодарю XIX век – это был самый революционный век в мировой истории: стало возможно появление импрессионистов. Я боготворю Дебюсси и Моне, Хлебникова и Рильке, Малевича и Кокто! Теперь мы можем свободно следовать потоку нашего подсознания, не беря в расчёт окостеневшие формы. Фрейд обратил внимание на ту гигантскую машину, которая зовётся подсознанием человека, однако он едва приподнял покров, он заглянул туда лишь на пару процентов. С тех пор не нашлось ни одного человека, столь ясно способного говорить с человеком на языке подсознания, том универсальном средстве, которое минует слуховой нерв и прицельной стрелой бьёт прямо в сердце. Век двадцатый дал нам хотя бы Пикассо, величайшего смельчака всех времён и народов. Bravo ему, bravo! Дали, пожалуй, был близок к пониманию сущности вещей. Почитайте «Дневник одного гения», это одна из величайших книг в истории человечества!

Никакие дневники Серафима читать не собиралась: нехорошо это, в чужую жизнь лезть. Дали этот обидится, что Профессор его дневник скоммуниздил, она бы уж точно обиделась!

А учёный продолжал дальше:

– Однако, дитя моё, я вижу, что утомляю Вас своими умственными изысканиями. Боюсь, нашу дискуссию придётся отложить до того момента, когда Ваше сознание окрепнет в сомне-

ниях настолько, что Вы сможете достойно отражать острые рапиры моих скептических ударов не только бронёй Вашей непробиваемой невозмутимости, но и пулемётной очередью едких критических замечаний. Поэтому продолжу рассказ о своей жизни, что, наверняка, будет для вас гораздо интереснее.

Таким образом, круг моих интересов незаметно сместился от естественных наук к гуманитарным. Испытав прилив сил от открывшихся перспектив, от проникновения в мир высшей реальности, я начал разочаровываться в нём. То ли мне не хватает изящности восприятия, ибо долгое время я жил в мире цифр и фактов, то ли мир искусства поддается законам, постигнуть которые простому человеческому существу не представляется возможным, но вскоре я начал испытывать настоящее отчаяние. Я уже говорил Вам, что каждое произведение искусства представляет собой скрытый набор знаков и символов, некий код, расшифровав который можно постичь секреты Вселенной. Однако это мне никак не удавалось! Иногда, казалось, я понимал, что хотел сказать в своём произведении автор, я чувствовал его душу и, радостный, спешил поделиться этим с дневником, вместилищем моих мыслей. Но чаще всего моя трактовка оказывалась совершенно неверной в глазах критиков и искусствоведов! Я всё больше приходил в настоящее отчаяние. К тому же я начал понимать, что наука ещё не достигла таких высот, чтобы поставить произведения искусства себе на пользу. Раскрой я код автора – что бы это дало? Мы только-только оторвались от проблем сельского хозяйства и начали работать с информацией, научная разработка высоких материй – дело столетий! О, платиновый век, как же я жду тебя! Вот тогда люди откроют заново и Канта, и Северянина, и Кафку! Я тешу себя надеждой, что хотя бы мои внуки доживут до этого светлого дня, как я однажды дожил до эры компьютеризации, о которой едва смел мечтать мой прадед!

Я пробовал защитить кандидатскую диссертацию по Толкиену; это был мой труд, плод бессонных ночей. Я радовался, как ребёнок, я улыбался каждой строчке; однако мой непривычный взгляд на вещи, мой «технарский» ум, не заикленный на лингвистических мелочах, пришёлся кое-кому не по нраву, и меня не допустили к защите. О, глупцы! – тут Валентин Георгиевич потряс кулаком в воздухе. Видимо, обида была сильна и до сих пор жила в нём. – Как будто может существовать единый взгляд на искусство! Кроме того, они нашли Толкиена недостаточно серьёзной темой для обсуждения. Это Толкиена-то! Вы, дитя моё, не могли не слышать о «Властелине колец». По скрытой мудрости он может перещеголять саму Библию.

Тут Серафима вздохнула с облегчением. Как раз недавно она ездила в Красноярск, навестить дядю Колю, и на обратном пути в его машине звучала песня группы «Игра слов»: «Властелин колец, под кепкой – безумное лицо, сказку подари с развязкой, построй в столице новое кольцо». Так что девушка обрадовалась: хоть будет чем поддержать умную беседу.

– И то правда! Понастроил всего, накуролесил, а казне разгребай!

Валентин Георгиевич удивлённо покачал головой.

– Боюсь, дитя моё, я не совсем понимаю суть Ваших речей. Возможно, Вы являетесь даже большей толкиенисткой, чем я.

Серафима почувствовала, что Валентин Георгиевич начинает ей нравиться. Он него исходила какая-то особенная умиротворённость, и в его присутствии девушка постепенно становилась всё более спокойной и ласковой.

– Вы, дядя, если хотите чего – чаю али кофе – вы скажите, я мигом поставлю, – вежливо предложила она.

– Спасибо, бриллиантик мой, – немолодое лицо Профессора расплылось в детской улыбке. – Приятно чувствовать на себе женскую заботу.

Серафима вышла во двор, чтобы набрать в ведро снега, и увидела что-то уж совсем из ряда вон выходящее. По дороге ехал снегоход, везя за собой деревянный ящик, едва помещавшийся на отдельных санях. За рулём сидел небольшого роста улыбчивый китаец, второй

ехал сразу за прицепом. Они затормозили прямо перед порогом хаты, окатив ошарашенную Серафиму снежной крошкой с головы до ног.

Из дома выскочил Профессор.

– О, Ху Я! Си Сяо! Заходите в дом, гости дорогие!

«Ну зачем так людей обзывать», – подумала Фима.

И тут он начал что-то быстро лепетать, так что слов было совсем не разобрать.

«С виду приличный человек, а ругается, как сапожник! Даже дядя Коля столько не матерится», – осуждающе подумала девушка.

Тем временем гости взяли деревянный ящик с саней и перенесли его в дом.

«Настоящие живые китайцы! Будет что в школе рассказать. Надо их спросить, а вправду ли они собак едят и презервативы делают плохие, чтобы в мире больше людей стало».

Девушка с гордостью вспомнила, как будет по-японски «спасибо», и решила обязательно поблагодарить их при случае. Она любила делать людям приятно.

Глава 5, в которой в действие вступают китайцы и инопланетные технологии

Между тем два китайца успешно установили ящик посреди комнаты и начали беспомощно оглядываться по сторонам, ожидая новых распоряжений. В Серафиме проснулись гены русской хозяйки: через двадцать минут стол украшал чайный сервиз, припасённый Михаилом Ивановичем для торжественных случаев. В жертву интернациональной дружбе была принесена и банка земляничного варенья, подаренная давней любовью сторожа, Зоей Аркадьевной. Трогать её разрешалось только в исключительных случаях, но Фима решила не оповещать об этом Профессора, чтобы не раздуть его чувство собственной важности до космических высот.

– Жаль, Фимочка, что Вы не поставили настоящий русский самовар. Я понимаю, что он стоит здесь на самом видном месте только в качестве украшения, но всё равно... То-то был бы колорит, – заметил Валентин Георгиевич, с удовольствием потягивая чёрный чай со вкусом пина колады и засовывая в рот третий по счёту пряник.

Не остались без угощения и китайцы. Особенный интерес вызвал у них чай. Ху Я сделал пару глотков, после чего с вежливой улыбкой поставил чашку на стол и куда-то отлучился. Храбрый Си Сяо героически переносил испытание, попутно с измученным лицом отвечая на все Фимины вопросы.

– Скажите, а правда, что в Китае насекомых едят?

– Добрый день.

– И что, и стрекоз едите? И муравьёв? И пчёл? А что вкуснее?

– Спасибо.

– Дитя моё, я могу лично Вас заверить, – вмешался Профессор, – что эта предприимчивая нация ест всё, что летает, кроме самолёта, и всё, что имеет четыре ноги, кроме стола и стула. Не мучайте моего подопечного, он очень плохо говорит по-русски.

– А вам чай нравится? – сразу оживилась Фима.

– Осень, – ответил Си Сяо, давясь пряником.

– Так я тебе ещё налью, у меня тут много! – воскликнула гостеприимная девушка.

Тут китаец вспомнил, что у него есть важное дело на улице, и быстро засеменил по направлению к двери.

– Итак, ma chère, раз уж мы остались с Вами наедине, спешу поведать вторую часть моей истории. Раздосадованный провалом диссертации, я шёл домой под промозглым ноябрьским небом. Негостеприимный питерский воздух пронимал до костей, дождь хлестал нещадно, однако я не обращал на это никакого внимания, ибо в душе моей бушевала буря не меньшего, если не большего значения. Наступил конец всех моих надежд на переустройство, на внесение новой струи в затхлый академический воздух. Должно быть, это отражалось на моём восприятии мира, ибо в тот вечер от меня шарахались и убегали даже дворовые кошки и собаки. Я уже представил, как возвращаюсь с новой, удесятерённой в силе и одарённости диссертацией, чтобы избить ею академиков после защиты, как внезапно заметил краем глаза над собой узкую полоску яркого света. Я ведь зашёл, заблудившись, в один из питерских дворишков-колодцев, так что уж было решил, что это какие-нибудь неполадки с электричеством, но вдруг почувствовал приятное и расслабляющее действие некой силы. Казалось, будто я преодолеваю законы тяготения и меня медленно уносит вверх, однако разумом я понимал, что такое невозможно, и это, вероятно, бредни моего воспалённого рассудка.

«Признание своего недуга – первый шаг к исцелению», – вспомнила Серафима плакат, который она внимательно разглядывала, сидя в больнице. Эх, если бы Валентина Георгиевича

с бабой Любой познакомить! Она хоть и акушеркой всю жизнь работает, но стаж какой-никакой, а медицинский, авось чего и посоветует.

В дверь несколько раз самоуверенно постучали, и на пороге появился некто Павел Анатольевич Кравчук, который действительно выдвинулся на Фимины поиски.

– Пашечка, родненький! – кинулась девушка ему на шею. – Тут псих какой-то сидит, но он хороший, давай его к бабе Любе отведём, а? – жарко зашептала она на ухо своему рыцарю.

Валентин Георгиевич новому посетителю совсем не огорчился.

– О, дражайший мой, заходите! Вижу по вашему лицу, что вы открытый, честный человек, и вам можно верить.

– Что, сильно буйный? – прошептал Пашка. – Ты только скажи, я ему сразу в глаз дам.

– Неа, – прошелестела Фима. – Он Профессор. Про разные материи вещает.

– А, это интересно. Пущай повещает.

– Я как раз поведывал Серафимушке, – вмешался учёный, – про то, как меня похитили инопланетяне.

Явка была провалена.

– Инопланетяяяяяне? – загорелись глаза у Пашки.

Если бы вырезки со статьями про инопланетян из Пашкиного архива можно было конвертировать в золотые слитки, полученных средств хватило бы, чтобы ни один ребёнок Зимбабве не голодал в течение пяти лет.

Парень уже год назад построил площадку возле своего дома на случай приземления корабля инопланетян, с визгом выторговав её у матери, которая хотела засеять её картошкой. Он даже составил и разучил торжественную речь, созданную из обрывков книг разных фантастов. Смысл речи заключался в том, что братья-инопланетяне могут чувствовать себя в Береснёво как дома, он им мешать не станет, даже наоборот, постарается убедить маму, что цена прогресса бывает высока, и ради неё можно пожертвовать огородом, если гостям понадобится. А от школьных товарищей пришельцам наоборот следует держаться подальше, ибо житья им своими расспросами не дадут, а того гляди и дальше – цирк устроят, так что понаедет телекамер с Москвы, и пиши-пропало общение с семиголовыми по вечерам. Пашка мечтал, как они попробуют его гвязду – специальный напиток из бензина, чая и клюквы, полезный, по его расчётам, обитателям планетарных туманностей. А если они захотят мир этот уничтожить и всех землян в рабство взять – так это даже пожалуйста, всё равно жить тут скучно, а на апокалипсис рассчитывать не приходится, потому что до России может не докатиться, всегда ведь не везёт.

– Угу, – пробормотала Фима. – Настоящие всамделишные инопланетяне. Пошли домой, Пашка, а то «Давай поженимся» пропустим.

– Молчи, женщина! Точно инопланетяне, вы уверены?

В отличие от Серафимы, Павел сразу почувствовал в Профессоре авторитет и мгновенно поверил его словам. Впрочем, если бы запойный алкаш Костик Вырви-глаз утверждал бы подобное, он вверил бы своё сердце и ему.

– Да, именно инопланетяне. Я вижу, мой юный друг, что вас глубоко интересует эта тема, однако не буду останавливаться на их описании, а также на подробностях моего пребывания на инопланетном корабле. На все ваши вопросы я отвечу позже, а пока я не стану изнурять даму своими утомительными речами и расскажу только то, что, надеюсь, будет иметь некоторое отношение к ней. Добавлю только, что это было увлекательнейшее время и полученный мною опыт не сравнится ни с чем, что я когда-либо испытывал на Земле.

– А откуда они были? – Паша был похож на северокорейца, перед которым вдруг резко предстали Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и Ким Чен Ын и вручили ему орден за вклад в развитие страны. – Как выглядят? Как общаются между собой? А как общались с вами? Что они едят? Они в туалет ходят? Какой у них марки корабль? Что они думают о Земле? Считают нас

тупыми? Если вы скажете, что это маленькие зелёные человечки на летающей тарелке, которые прилетели с Альфа Центавры...

– Нет, друг мой, не сверкайте так грозно глазами, я вовсе не обчитался фантастической литературы и не собираюсь рассказывать вам байки. Скажу вкратце, что они живут по законам другого измерения и никакой опасности для людей не несут. Мы для них как смешные домашние зверюшки, забавные хомячки, ежели хотите.

– А почему они тогда выбрали именно вас? – завистливо буркнул парень. Сравнение с хомяком унизило его космическое достоинство.

– Не знаю, – скромно улыбнулся Профессор. – Возможно, им импонировали мои объёмные знания и незлобный характер. Плюс был и в том, что я практически одинок на этом свете, так что хватиться меня было некому.

– А вам там... понравилось? На вас опыты ставили?

Горящий взгляд начал с любопытством ощупывать тело Валентина Георгиевича.

– Смотрите, друг мой, не вздумайте раздеть и вскрыть меня в поисках жучков и металлических штырей. Вижу, ваш интерес подугас... И не ищите ли вы доказательств?

– Да, доказательства, оно, конечно, было б неплохо. Или хотя бы сувенир какой на память – взмолился Пашка.

– О, я привёз вам нечто большее, чем сувенир. Об этом и речь, – тут он пристально взгляделся в лицо Серафимы. – Видите ли, я не буду сейчас рассказывать вам, дети мои, о том, чем я занимался на их корабле, а также о том, какие замечательнейшие беседы мы вели и сколько научных тайн при этом мне открылось. Напомню вам, что они живут во втором измерении, то есть на уровень выше нас. Есть измерения более высокие, однако туда могли попадать лишь их главари. Не раз видел я, как они подходили к специальному отверстию в потолке корабля, которое переливалось оттенками жёлтого. О, никогда на нашей планете я не видел такие тона! Этим жёлтым можно писать картины, которые превзойдут по красоте и радугу, и северное сияние. Возвращались они через разные промежутки времени, однако мне казалось, что мои друзья приходили оттуда умудрённые опытом и посвежевшие в знаниях, так переливалась их оболочка.

– А какого они цвета? – не преминул встрянуть Паша.

– Это сложно назвать цветом, – улыбнулся Профессор. – Там нет глаз или других органов восприятия. Я лишь приблизительно описываю свои ощущения, чтобы вы смогли меня понять. Представьте себе высоких людей в белых мантиях, светящихся изнутри различными цветами в зависимости от настроения. Так бы я их описал.

– Хорошо, – сел на стул парень, важно подбоченившись. – Продолжайте, Профессор.

Тут до чуткого уха Кравчука донёлся слабый скрип двери. Это Серафима, поняв, что её лучший друг окончательно угодил в лапы великонаучного психа, решила позвать односельчан на подмогу. Девушка не понимала, что подспудное желание остаться завладело ею, поэтому, увы, приоткрыла дверь слишком резко.

– Как, Фимочка, дорогая! Вы нас покидаете?.. Неужели! – изумлённо пробормотал Валентин Георгиевич, слегка угрожая повышая голос.

– Куда собралась? – мрачно процедил Паша, метнув в неё полный повелительной злобы взгляд.

Мужская воля действовала на Серафиму парализующе, поэтому она покорно вернулась на место. Профессор же продолжил щебетать, как ни в чём не бывало:

– Однако то, что мне больше всего нравилось там... То, что я никогда не забуду... Эх, «на Юге, на Юге, за тысячи миль...». Это, разумеется, путешествие по ноосфере.

– По чему? – уточнил Пашка.

– По ноосфере. Отбросьте Вернадского: я буду употреблять это слово ближе к тому смыслу, который вкладывал в него Тейяр де Шарден. Вам не безызвестно, мой юный друг,

что человек может влиять на окружающее силой своей мысли. У кого-то это умение развито больше, у кого-то меньше: по этому навыку можно выделить и дохляков, и средней руки атлетов, и мировых чемпионов. Одни ментальные монстры активно преобразовывают внешний мир, другие работают в коллективном бессознательном и формируют мысли, которые вскоре подхватит целое поколение. Первые обласканы почестями, вторые бывают безвестны. Иной политик может мнить себя властелином мира, а является всего лишь марионеткой в руках эгрегора, которым заведует какой-нибудь лесной отшельник.

– Не отвлекаемся от темы, Профессор, – сдержанно кашлянул Кравчук.

– Ах, да, – спохватился тот. – Не бывало у вас такого, что вы всеми фибрами души мечтаете о новой машинке, красненькой, с большими колёсиками и блестящими наклейками, и вот она стоит перед вами под новогодней ёлкой, и вы только диву даётесь, как мог Дед Мороз так точно угадать желание, о котором вы никому не рассказывали? Не случилось, что вы точно представляете себе женщину, с которой хотите провести время, и вот вы встречаете её через месяц на улице, с точно такими же изгибами и формами, таким же цветом волос и полным неумением закуривать от спички?

– Не случилось, – резко ответила Серафима.

– О, пардон, я, кажется, затронул территориальные права мадемуазель, – с лёгкой улыбкой ответил Валентин Георгиевич. – Это я из личного опыта. Жену так себе загадал.

– И что, сработало? – заинтересовался Пашка. Серафима не знала, но за шкафом у Кравчука хранился старый постер ненавистной ей Памелы Андерсон, который парень решался рассматривать только в её отсутствие.

– Сработало. Однако не спешите, мой друг, загадывать себе в жёны Джину Лолобриджиду (не знаю, по кому там сходит с ума нынешняя молодёжь). Для начала вы должны понять, чего вы хотите *на самом деле*, что сделает счастливым лично вас, а не ваших родителей, друзей или те проекции социальных норм и институтов, которые прочно прижились в вашей голове. Без этого понимания сила вашей мысли не будет обладать достаточной силой: зачем подсознанию выполнять то, чего вы на самом деле не хотите? Разберитесь с этим, мой друг, заранее, ибо большинство людей не могут решить этот вопрос в течение всей жизни.

– И чё дальше? – лаконично решил продолжить беседу Пашка.

– Представьте себе мираж в пустыне. Как много путников обманывали себя, принимая за реальность дворцы, фонтаны и пальмы, находившиеся в тысячах километров! Дворец ведь существовал на самом деле; верно и то, что картинка перед странниками была настоящей, но относящейся к другому месту. Вы никогда не слышали, как Иисус насытил пять тысяч человек пятью хлебами? Я думаю, здесь не обошлось без гипноза; но ведь все эти люди действительно перестали чувствовать голод!

– Чё, правда?

В этот момент Кравчук решил почитать Библию. Оказывается, в ней есть место для фантастики!

– Да. Однажды созданный мысленный образ никуда не исчезает. Он продолжает жить в особой реальности, в другом измерении. Это крайне забавный мир: туда стекаются все людские мыслеформы. Микки Маус там мирно сосуществует с Фредди Крюгером. Если вы каждый день представляете себе разноцветного осьминога, из чьих присосок сочится мороженое, будьте уверены, он где-то бродит по ноосфере.

– А где она находится? – загорелись Пашкины глаза. Парень чувствовал, что Профессор говорит правду; кроме того, даже если бы тот нёс откровенную ересь, он заставил бы себя в неё поверить.

– Над Землёй, равномерно её опоясывая. Именно ноосферой я бы объяснил тот факт, что двум учёным, живущим по разные стороны Тихого Океана и никогда не видевшим друг друга, может одновременно прийти в голову одно и то же открытие. Или случаи, когда матери

видели во сне то, что происходило на данный момент с их детьми. Эти картинки просто транслировались по ноосфере; каждый ведь имеет туда свой собственный выход.

– А вы видели там Дарта Вейдера? А Декстера? А Карлсона?

«О, Господи!.. Вроде сидят два взрослых мужчины, а точно дети малые», – подумала Серафима. Одна назойливая мысль внедрилась в её мозг и никак не давала покоя. Фима не смогла вспомнить, выключила ли она плиту, на которой стояли пельмени.

– Видел бы, если захотел. Но я же говорю вам, мой друг, что ноосфера – это собрание мыслительно закреплённых эмоциональных образов; поэтому туда стекаются не только образы самих героев, придуманных писателями и режиссёрами, но и те представления о них, которые создают поклонники. Ясно, что любое мало-мальски популярное, а особенно культовое произведение обросло за свою жизнь немалой армией почитателей. Каждый из них мысленно привносит в образ что-то своё. Соответственно, если убедить общественность, что Колобок был храбрым пиратом и представить этому такие доказательства, что люди поверили бы и начали думать именно в этом ключе, со временем его проекция в ноосфере сильно исказилась бы. А так как каждая девочка воображает себя возлюбленной Ретта Батлера и бог знает кого ещё, то можете себе представить, сколько мини-проекций со свадьбой и хэппи-эндом блуждает по ноосфере.

Тут Серафима слегка покраснела.

– Что, совсем так? – испугался Пашка. В такую ноосферу ему совсем не хотелось бы попасть.

– Возможно, я преувеличиваю, – с лёгкой улыбкой поправился Профессор. – Всё ведь зависит от силы мысли. Положим, д’Артаньян, творение небезызвестного вам Александра Дюма, – персонаж популярный и закреплённый в массовом сознании. Следовательно, обладающий в ноосфере большой силой, так как его питает энергия миллионов людей. Соответственно, если бы у вас был шанс попасть в ноосферу и действовать там, вы бы увидели д’Артаньяна именно таким, каким его представляют эти самые миллионы.

– А Дарт Вейдер?

– Если вы подразумеваете киногероев, то они имеют в ноосфере внешность актёра, который их сыграл, так что их все видят одинаково. С литературными персонажами сложнее. В ноосфере вы можете увидеть, скажем, Остапа Бендера в массе ипостасей, но наиболее сильной будет та, которая собрала наибольшее количество народной любви. Но если Андрей Миронов в этой роли вам не по душе – никто не заставляет, общайтесь с Арчилом Гомиашвили. Я думаю, перед вами предстанет именно такой Остап Бендер, какого вы себе представляли.

Что касается вашего первоначального негодования, то могу добавить следующее: если о Джоне Дэппе знают все, то о том, что он женился и зачал троих детей с Машей Просвирюковой знает лишь сама Маша Просвирюкова. Так что их свадьба в ноосфере зачихнет на фоне общеизвестного варианта его судьбы. Главное, чтобы Маша не обладала гигантской силой мысли. Именно поэтому я не очень хотел там путешествовать. Вдруг я бы увидел там, как Гарри Поттер влюбился во Фрэнка Синатру? Так называемые фанфики, знаете ли, бывают весьма популярны. Особенно душа у меня болит за моего любимца Шерлока Холмса. Благодаря двум талантливым сценаристам он медленно превращается из благородного шизоида в беспринципного социопата.

– Как, вы совсем там не путешествовали?! – рассердился Пашка. В этот момент руки парня жили своей, отдельной жизнью, и испытывали безотчётное желание дать Валентину Георгиевичу по морде. Да он бы полжизни отдал за такую возможность!

– Нет, не то что бы совсем не путешествовал. Так, мимо пролетал. Я сказал инопланетянам, что это всё интересно, однако слишком остросюжетно для моих преклонных лет. Поэтому, когда мне нечего было делать, я просто наблюдал за историей.

– То есть как? – разочаровался парень. – Эту скукотищу? Что вам, учебников мало?

– Да, друг мой. Есть такая плоскость, в которой запечатлена история человечества. Настоящая история, очищенная от людских домыслов. Обычно я садился (это было специальное ответвление корабля; если описывать его на уровне ассоциаций, представьте себе пологий зелёный склон), заказывал определённую программу, и передо мной открывался вход в это измерение. Там уже я мог перематывать историю, как плёнку в видеомагнитофоне, выбирать определённое время и место. Я был философом, созерцателем; я не вмешивался в происходящее. Перед моим взглядом проносились целые эпохи, народы сменяли друг друга, однако я оставался невовлечённым. Мне просто было интересно посмотреть, как всё было на самом деле.

– Так а чё ж вы в ноосферу не полезли? – сурово спросил Пашка. Вот если бы ему дали такой шанс! Он бы уж точно сразился с Дартом Вейдером на мечах!

– В том-то и дело, друг мой, что с ноосферой этот трюк не прошёл бы. История свершилась, а ноосфера живёт и дышит. Всё-таки там сосредоточены вещи, которые волнуют людей; жизнь там сродни хаосу, так всё кипит и крутится в водовороте событий. Попав в ноосферу, нельзя оставаться безучастным; она засосёт тебя, а кто знает, чем это кончится. Кроме того, все эти путешествия – для любителей сказок и приключений. Меня же прежде всего интересуют научные факты. Хотите – сами слетайте туда. Расскажите, что получилось.

У Пашки на миг перехватило дыхание, а земля как будто затряслась под ногами.

– Д-да? – только и мог вымолвить он, беспомощно открыв рот.

– Ах да, что это я всё о себе да о себе, надо было начинать с цели моего визита.

Павел... Эээ...

– Анатоьевич.

От волнения у парня с трудом поворачивался язык.

– Павел Анатоьевич, вам представляется уникальная возможность побывать в другом измерении. Всё очень просто. Кажется, в метрах трёхстах от нашего дома находится чудное маленькое озеро, слегка припорошенное снегом?

– Аг-га.

– Идите туда немедленно. Оденьтесь потеплее и захватите термос с чаем и что-нибудь перекусить. Найдите самую высокую точку и начните обходить озеро по часовой стрелке. Если почувствуете, что устали – остановитесь, отдохните, ничего страшного. Замёрзнете – зайдите в сторожку, я видел ещё один маленький деревянный домик чуть дальше озера, призванный охранять непонятно что. Только ни в коем случае не сидите там больше двадцати минут. Вас будут сопровождать мои китайцы.

– Хорошо! – восторженно ответил парень, сияя, как новогодняя ёлка.

– Видите ли, все эти манипуляции нужны для обретения вами нужной силы. Я же говорил вам, дети мои, что в этой богом забытой глуши находится одно из самых мощных мест на Земле? Тут энергия аккумулируется и направляется из нашей планеты напрямик в Космос, ну и, соответственно, космическая энергия оказывает обратное влияние на жизнь местности. У вас тут должен быть рассадник летающих тарелочек.

На этих словах Пашка, во-первых, уверовал в Профессора окончательно и бесповоротно, потому что нечто подобное он давно пытался втолковать своей родне. Значит, именно его деревне принадлежала такая честь! От этой мысли у парня раздулась грудь. «Надо бы медаль придумать – почётный береснюк», – пришла ему в голову мысль. Кравчук метнул победоносный взгляд в Серафиму, которая в спорах про НЛЮ и прочую нечисть занимала позицию невозмутимого агностика.

– Есть такое дело, – сказал молодой человек, подбоченившись, аки Мышиный король.

– Так вот, центр этой силы находится возле вашего озера. Вода, сами понимаете, – многозначительно добавил учёный. – Вы будете ходить вокруг водной глади и повторять при этом заклинание: «Gott erhate Idioten».

Пашка поморщился. Все эти заклинания, волшебные палочки и чудесные драконы Кравчук считал антинаучной ересью и сказочками для неокрепших умов, которые со временем, если повезёт, примут правильную веру и обратятся в научную фантастику.

– Это поможет вам зарядиться энергией Космоса, – строго добавил Профессор, заметив блеснувшее на миг недоверие в глазах подопытного. – Ху Я и Си Сяо будут неотлучно следовать за вами, и, как только ваш уровень крамбабини достигнет точки Джоуль, они сообщат мне. Я мигом примчусь за вами. Подробности вы узнаете на месте, пока они могут засорить ваш разум, который сейчас чище свежестановленной Windows-95. Краймапуэра, что по-космически значит «до свидания».

– Конечно, Профессор! Я сейчас!.. Я мигом!.. – порывисто вскочил и умчался в светлую даль Пашка, быстро растормошив полусонных китайцев.

Минут десять Валентин Георгиевич сидел тихо, склонив голову на левое плечо и внимательно изучая доски пола. Затем он резко встал и посмотрел в окно. Кроме Павла Анатольевича, с энтузиазмом прыгающего вокруг озера и подгоняющего несчастных китайцев, на заснеженном поле не было видать ни единого признака жизни.

– Отлично. Сгинул. Пришлось нести квазинаучную ахинею, а то бы он не отвязался.

– Зачем вы обманули Пашку?! – закричала Серафима.

– Деточка, это было совершенно необходимо. Иначе он стал бы нам мешать. Ведь главная цель моего приезда сюда – Вы.

– Ну всё, маньяк-извращенец, с меня довольно! – вскочила Фима на ноги, прихватив лежащую возле печи кочергу. – Я бегу в деревню за подмогой, так тебя дядя Егор и дядя Степан живо схватят и такого леща дадут, до конца жизни хватит!

– Вы слишком высокого обо мне мнения, дитя моё, – грустно покачал головой учёный. – Боюсь, Вы меня не так поняли. Я действительно сильно заинтересован Вами с момента нашей встречи в Москве, однако интерес этот совсем иного свойства. И можете опустить кочергу, она мешает Вам воспринимать информацию. Разве я похож на извращенца-педофила? – сказал он с лёгкой улыбкой и беспомощно развёл руками.

«А ещё бы ты был похож. Вон, я на НТВ видела, Андрей Сосечкин лапулечка-лапулечкой смотрелся, хоть в кино снимай, жену имел и троих детей-ангелочков, а сам в свободное от работы время девочек насиловал», – пронеслось в голове у Серафимы. – «Вот представляю: идёшь ты после школки, а назавтра голова твоя в овраге, руки-ноги под сосной, а туловище в канализационном люке. Спасибо, как-то не комильфо. Чё мне на похоронах, как дуре, в гробу по частям лежать?».

Взбодрённая этим важным соображением, Фима грозно направилась на выход с кочергой наперевес.

– Стойте, Фимочка, стойте! – тоскливо застонал Валентин Георгиевич. – Дослушайте меня до конца, пожалуйста! Потом делайте, что вам заблагорассудится! Вы согласны? Вот и ладненько. Придётся поведать ту часть информации, которую я не рискнул бы рассказать Вашему не вполне вменяемому другу. Так вот, начнём, пожалуй, с моей в меру печальной истории. Я пробыл на корабле у инопланетян около семи лет по земным меркам. За этот временной промежуток я узнал много нового, и этот опыт обогатил меня так, как мало кого обогатили бы тысячи жизней на нашей планете. Так или иначе, им нужно было двигаться дальше, в пятое измерение, а туда путь мне был закрыт.

На этих словах Профессор даже как-то печально обмяк.

– А почему? – любопытствовала Серафима.

– То, в насколько высоком измерении вы можете находиться, зависит от плотности души. Они за то время, что летали над Землёй, достаточно истончили свои души. Я же, как представитель земной цивилизации, мог бы подняться разве что в третьё. И то, я не знаю, насколько суровым испытаниям пришлось бы подвергнуть свою душу.

– А от чего зависит плотность души?

– От чистоты ваших помыслов. Я вот не пью, не курю, йогой занимаюсь, за всю свою жизнь только пару раз мог сказать человеку бранное слово, да и то в экстренных случаях. Кроме того, мои мысли вращаются в исключительно высоких сферах, не касаясь грубостей и мерзостей земной жизни. Наверное, поэтому инопланетяне и выбрали меня.

Тут он снова улыбнулся детской наивной улыбкой, и вокруг глаз учёного заплясали добрые морщинки. В его манере держаться не сквозило ни капли высокомерия. Будь бы здесь Паша, он точно бы пробормотал, что инопланетяне проводят неправильную кадровую политику.

– К концу шестого года жизни на корабле стало ясно, что мой скорый побег неизбежен. К тому же, все научные разработки, которые проводили они на Земле, я видел; все тайны Вселенной, которые мог вместить мой спичечный мозг, я постарался познать. Деятельность моя, заключающаяся в успокаивании похищенных перед препарированием душ, отпала за ненужностью.

– А им не было больно? – со страхом сказала Серафима.

– Не пугайтесь! Они просто рассматривали, из каких элементов состоит душа, и давали каждому объяснение. Как видите, мой коэффициент полезной деятельности стремительно приближался к нулю. Я понимал это; понимали всё и мои друзья инопланетяне, всячески пытавшиеся поддержать меня перед расставанием. Наконец, была назначена дата X. В этот день (дурацкое земное слово) команда должна была перестроить корабль, напомилавший ранее огромный дом с множеством ответвлений, в некоторое подобие подводной лодки и телепортироваться в пятое измерение. «Мы не можем взять тебя с собой», – сказал капитан корабля, а его команда, которую я успел искренне полюбить (хотя могу вас заверить, это ничто, по сравнению с их умением любить), грустно меня окружила. «Если хочешь, мы можем тебя убить, и тогда, преодолев несколько кругов перерождений, и при условии... (тут он начал объяснять мне какие-то абсолютно непостижимые вещи, смысл которых я не мог понять) ... ты сможешь присоединиться к нам через тысячу земных лет».

К стыду своему, эта перспектива меня не обрадовала. Каюсь, я недоразвит и слаб духом, поэтому умирать мне совершенно не хотелось, хотя на этом и настаивали мои добрые друзья. Впрочем, «настаивали» – не совсем верное слово, ибо они всегда давали мне свободу воли, скорее тут будет уместно слово «пламенно убеждали». Хотя и слово «пламенно» не совсем к ним применимо: эмоции у них не такие жаркие и насыщенные, как на Земле. Мои инопланетные друзья скорее напоминают величественные горы со снежными шапками, искрящиеся в сиянии небес, такое они вселяют благоговение. Я лучше скажу так: спокойно убеждали, предоставляя всю необходимую информацию. Да, так будет лучше. Мы сошлись на том, что они высадят меня там, где я захочу, вписав, если надо, необходимую программу в мой мозг.

– Какую программу? – испугалась девушка. – Вы что, дяденька, робот?

– Не совсем так, – улыбнулся Профессор. – Видите ли, понимание процессов собственной психики у этого народа развито раз в десять лучше, чем у нас. Мы для них как дети несмышлёные. Ещё очень давно они, выражаясь фигурально, разобрали человеческий мозг по кусочкам. Это помогает им для внедрения.

– Какого ещё внедрения? – испугалась Фима. Любимый НТВ показывал недавно американскую передачу о том, что инопланетяне, похожие внешне на Дэйви Джонса из «Пиратов Карибского моря», незаметно высаживаются на Земле под видом простых людей, так что в один прекрасный день шупальца на их лицах снова вырастут, и они тут же захватят весь мир. Растить ребёнка с осьминожьим лицом – вот уж спасибо, подарочек!

– Самого обычного. Вы же когда приходите в ботанический сад, чтобы на цветы посмотреть, не только по дорожкам ходите? Вам и подойти хочется поближе, и рассмотреть. Так и они время от времени присылают нам своих наиболее любопытных учёных. Для простоты экспери-

мента они задают себе человеческую внешность, самую обычную, чтобы не привлекать много внимания, а также специальной программой вносят в мозг человеческие знания. Строго нужный набор. То есть, конечно, с их душой и энергией они могли бы заслать на Землю миллион Эйнштейнов, Моцартов и Бритни Спирсов, только это помешало бы естественному ходу эволюции.

– Почему так? Что им, сложно? В лом заслать к нам лишний десяток таких, как Бритни? Я вот последний альбом до дыр заслушала, мне Пашка подарил, когда был в городе, давно ещё купил. А новый неизвестно когда выйдет.

– Дорогая моя, ну что было бы, если бы в один прекрасный день на человечество обрушился бы шквал новых знаний? Я до сих пор не могу в полной мере осмыслить тот факт, что необязательно оставаться на уик-энд дома, ведь «Что? Где? Когда?» можно записать на видеомэгнитофон!

– А ещё в интернете посмотреть можно, – лукаво заметила Фима. – В любой момент.

– В самом деле?! – задумался Валентин Георгиевич.

Несколько минут они молчали. Серафима громко чихнула, чтобы не дать собеседнику мысленно улететь в дивный мир хрустальных сов.

– На прощание, – продолжил Профессор, будто бы его мысль и не прерывалась, – я попросил высадить меня в Китае, добавив к моему скромному багажу знаний превосходное владение китайским и умение приспосабливаться к горному климату. Я, знаете ли, тот ещё дохляк. Мне Матрёна Сергеевна сколько шарфиков ни вязала тёплых, всегда ходил с простуженным горлом, оттого и тихо говорю.

– А кто это? – задорно блеснули глазки девушки.

– Матрёна Сергеевна Ариматова – это, уважаемая Фимочка, жена моя, чей образ я непрерывно ношу в сердце своём. Хоть и не видел я дорогую Матрёшечку уже более тринадцати лет, в моей душе она заняла определённые территории, где проживает совершенно автономно от моего сознания.

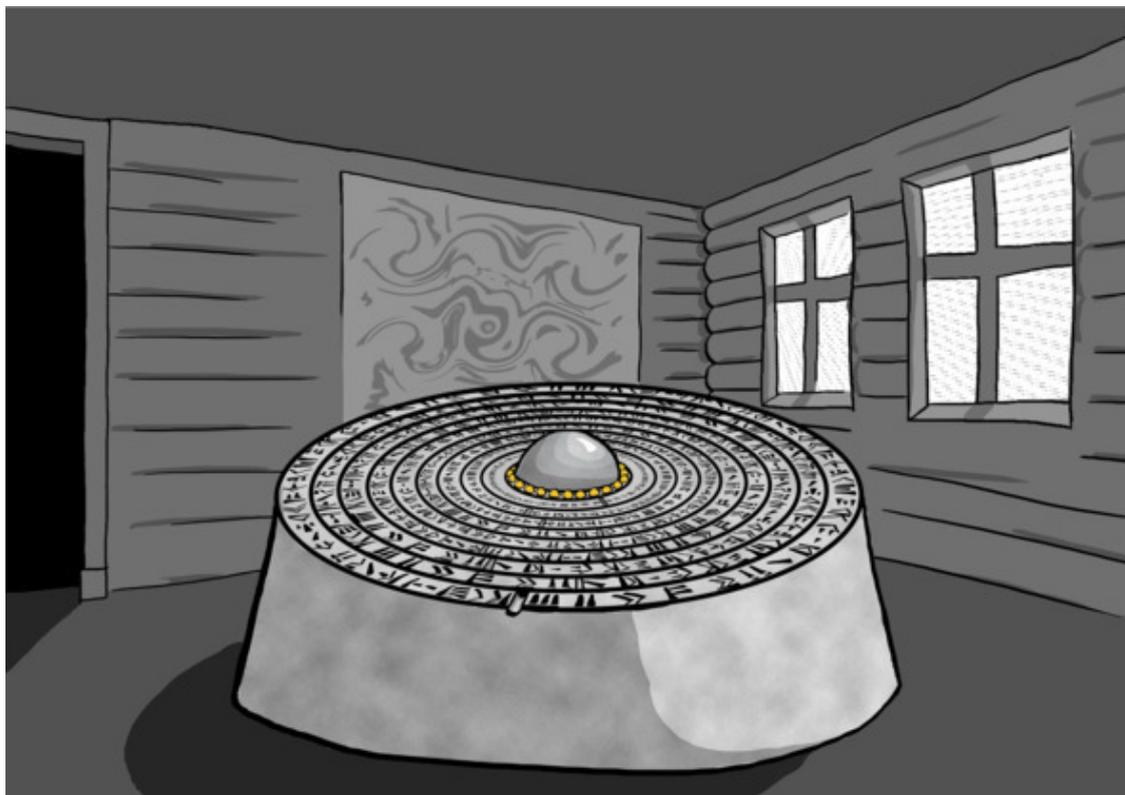
«Всё-таки и у такого есть человеческие привязанности. Приятно. Только на что ему Китай сдался? За шмотками дешёвыми, что ли решил сгонять?».

– Вы недоумеваете относительно моего выбора? Почему? Ведь Китай – страна с потрясающей культурой, удивительной природой. А премудрости государственного устройства! Чего стоит прекрасно известный вам, Серафимочка, старец Конфуций?

Всю пятидесятилетнюю историю Поднебесной Серафима могла бы обобщить в следующих словах: «Сидят там, небось, шьют свой ширпотреп, чтобы им весь мир заполнить, а потом управлять». Сторонний наблюдатель счёл бы эту мысль параноидальной, хотя и не лишённой здравого экономического подтекста. В Залесске существовал свой кружок, включавший в себя пятёрку старейшин, любивших порассуждать за рюмочкой о глобальных проблемах мировой политики. Разумеется, все они уж точно знали, что нужно сделать, чтобы жизнь резко пошла в гору; также они были свято уверены, что во всём виноваты жида. Серафима не входила в это элитное сборище, однако наличие отца, иногда проводившего собрания Пиквикского клуба Залесского разлива прямо у них дома, несколько расширило её знание географии и особенно геополитики.

– Вижу, Вы всё ещё думаете, почему я не попросил подкинуть меня до Штатов или куда-нибудь в старушку-Европу? Вы, несомненно, оцениваете достоинство страны по уровню её благосостояния, по показателям ВВП и ИРЧП. Каюсь, образ жизни высокоразвитых стран пришёлся мне по вкусу, и когда моя работа закончится, я мечтаю поселиться где-нибудь в Дании, спокойной стране без резких перепадов температур и людских характеров, в которой можно тихо радоваться жизни, не боясь нищеты старости. Но это позже... Не сейчас... – тут его взгляд весьма затуманился, а весь облик принял вид человека, одержимого целью.

Он резко подошёл к деревянной коробке, которую китайцы в самом начале повествования поставили в центр комнаты. Валентин Георгиевич совершил над ящиком ряд махинаций, отчего стены его упали сами собой, и перед Серафимой возник странный предмет.

Высотой он был около метра и столько же занимал в диаметре, напоминал пенёк, идеально ровный по краям и слегка приплюснутый сверху. Верхняя лицевая часть была разделена на девять кругов, а в центре находилась выпуклая, как будто хрустальная полусфера. Кольца были исписаны странными иероглифами и символами, которые вместе образовывали единый рисунок. Впрочем, при повороте любого из кругов общий рисунок изменялся.

– Знаете ли Вы, дитя моё, что это?

– Плита какая-то?

– Да как Вы посмели! – воскликнул учёный, глаза которого метнули в Фиму несколько искр возмущения. – Это A.S.Y.L.U.M., или Automatic System of Creating and Loading Universe Model. Я сократил и несколько видоизменил аббревиатуру для простоты, и всегда произношу её не по принципам английской фонетики, а на русский манер, то есть асулум, опять же для простоты.

Серафима приблизилась к странной штуке и потрогала её пальцем. Сначала ей показалось, что прибор сделан из камня какого-то странного, нежно-серого оттенка; однако подойдя поближе, она убедилась, что материал чем-то напоминал пластилин и был удивительно тёплым. Приложив к агрегату ухо, она почувствовала некое подобие вибрации. От аппарата исходил едва слышный гул. Он как-то незримо обволакивал девушку, и отходить от него совсем не хотелось.

Казалось, асулум погрузил Валентина Георгиевича в лёгкую степень безумия; почтенный Профессор расхаживал позади Серафимы чудовищно большими шагами, и вся его взволнованная фигура напоминала то ли принца датского, то ли тень отца его.

– Есть на Земле места силы. Мне не очень приятно в них находиться, потому что для жизни там нужно обладать мощным энергетическим полем. Знаете ли, я учёный... Вспышки

эмоций производят на меня такое же впечатление, как песня «Тополиный пух» на аллергика. Для инопланетян же такие места – родная стихия; им там даже скучно. Мне приходилось в качестве рыбы-прилипалы таскаться с ними по самым энергетически мощным местам нашей планеты, от Гранд-Каньона до острова Пасхи. Ужас, я вам скажу! Терпеть эти энергетические шторма, перепады настроения местных жителей и постоянно находиться на грани между безграничным счастьем и совершенной, всё сметающей тоской! «Спокойствие, только спокойствие», – лишь мантра старины Карлсона меня и спасала... Плюс от моего пребывания в этом кошмаре состоял в том, что я чётко понял: для работы асулума лучше выбирать именно такие места. Поэтому я попросился в Китай, а точнее в Тибет, эту сокровищницу мировых знаний. Древние верили, что там располагаются врата в Рай. Охотно верю, хотя эти пять с небольшим лет дались мне не без труда. Конечно, я был вознаграждён с лихвой, ибо такое количество мудрых людей на квадратный метр я не встречал ни разу в жизни. Были, конечно, экземпляры с прескверным характером, зато я в любой момент имел доступ к советам местного старосты, старика Ляо Бао. Именно он предложил съездить в Россию и поискать нужную кандидатуру там; ведь на Родине мне было бы проще найти общий язык с нужным человеком и втолковать то, что я хочу. Тем более наша страна не совсем обделена местами силы, – сказал он с несколько плотоядной улыбкой.

– Это, – продолжил он, театрально указывая пальцем на асулум, – прибор, который можно использовать для входа в ноосферу. Я уже говорил Вам, что ноосфера существует в параллельном измерении, однако человеческий разум не изобрёл пока способа туда пробраться. Я знаю, как это сделать.

Тут уж Профессор совсем стал похож на Рафики, демонстрирующего Симбу зверьятам.

– Конечно, – принялся семенить Валентин Георгиевич, – я сделал это не совсем честным, не совсем научным, а скорее даже криминальным путём. Перед моей высадкой все инопланетяне собрались в главном зале и запустили окно транспортиции. Открывается оно очень медленно, дня три по нашим меркам. Пользуясь моментом, я отправился в самый нижний отсек, некое подобие склада, и начал озираться по сторонам, прикидывая, что можно взять с собой без ущерба для корабля, однако с громадной пользой для человечества. Вдруг мой взгляд упал на жидкий шар из какого-то странного металла, бьющего по глазам. Он парил в углу, как-то трогательно и совершенно одиноко; я подумал, что это никому ненужная вещь, мусор, который скоро выкинут. А сколько в нём могло оказаться полезного инопланетного материала! Я вспомнил, что в этом же отсеке находилась дверь для экстренной телепортации на Землю, которой пользовались лишь в крайних случаях. Технология эта устарела и часто давала сбои; пользоваться ею было очень опасно. Сам не понимаю, что на меня нашло. Теперь мне очень стыдно перед своими друзьями. В пол был вмонтирован прозрачный люк, состоящий из какого-то рыхлого вещества кристаллообразной формы. Я знал, что нужно было делать. Сердце моё колотилось, а уровень адреналина превышал все допустимые лимиты. Я встал на люк и, чтобы ввести координаты местности, начал поворачивать маленькие камешки, обрамлявшие его. Ох, и нелегко это было! Почва под моими ногами ходила ходуном, и свободной рукой мне пришлось что есть мочи вцепиться в шар, который так и норовил выскользнуть из рук. Наконец, камешки загорелись жёлтым, раздался дикий свист, и через каких-то пару мгновений я очутился в Китае, весь растрёпанный, взъерошенный, еле переводивший дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.